

М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович

**ЛАПЛАНДСКИЕ (СААМСКИЕ) КОЛЛЕКЦИИ
В КУНСТКАМЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК XVIII в.**

Целью работы является определение состава и значения коллекций памятников традиционной культуры саамов в собрании первого российского государственного публичного музея – Кунсткамеры Императорской Академии наук (1714-1836) в Санкт-Петербурге. Европейские кунсткамеры были частью научной системы распространения достоверного знания о явлениях окружающего мира. Предметы культуры народов полярных окраин Европы собирались европейскими учеными, коллекционерами. Лапландская обувь из датской королевской кунсткамеры вошла в кунсткамеру царя Петра I и оказалась первым образцом традиционной культуры народов арктической зоны в этом собрании. Предметы этнографического характера и сама тема многообразия народов империи были включены в придворную культуру российского двора первой половины XVIII в. «Принц Лапландии» участвовал в шествии 1709 г. в честь победы при Полтаве, олицетворяя, вероятно, покорность российской короне не только шведского войска, но и народа севера Швеции. «Лапландцы» в костюмах, взятых из Кунсткамеры Императорской Академии наук, были задействованы в торжествах при дворе императрицы Анны Иоанновны по случаю окончания русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Сведения о ритуалах саамов, главным образом об охоте на белого медведя и о медвежьем празднике, вошли в первый путеводитель по Кунсткамере конца XVIII – начала XIX в. С именем крупнейшего естествоиспытателя XIX в., академика Карла Эрнста фон Бэра, связано появление в Академии наук в 1840-х гг. материалов по физической антропологии саамов и первых за многие годы аутентичных предметов культуры саамов. Эти факты подтолкнули авторов выйти за рамки XVIII в., указанного в теме работы. Несмотря на немногочисленность собрания, традиционная культура саамов нашла освещение на экспозиции, в каталогах и путеводителе первого государственного музея, входящего в структуру Императорской Академии наук.

Ключевые слова: саамы, лапландцы, кунсткамера, Петр I, этнографические коллекции, саамские коллекции, музей Академии наук, этнографическая экспозиция, Карл Бэр.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-511-518

В XVII в. европейских странах наука становилась третьей ведущей силой вместе с церковной и монаршей властью [Schulz 1990, 175]. Европейские кунсткамеры XVII в. через систему организации коллекций транслировали достоверное знание о бесконечно расширяющихся пределах окружающего мира. Редкость и необыкновенность стали основополагающими принципами построения таких собраний [Hafstein 2003, 6]. В кунсткамерах приобретали материальное выражение очевидные, достоверные, доказуемые факты. Датский анатом Оле Ворм – один из виднейших коллекционеров-ученых Северной Европы – предлагал посетителям своей кунсткамеры прикоснуться собственными руками, увидеть собственными глазами и только потом судить и сравнивать с тем, что слышали на словах [Hafstein 2003, 9].

Первый российский государственный музей – Кунсткамера был учрежден в 1714 г. [Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук ... 1744, 4]. Это середина Северной войны (1700-1721), первое десятилетие строительства Санкт-Петербурга – новой столицы Российского царства (будущей Российской империи), подготовка к включению России во всеевропейскую профессиональную научную сеть через учреждение Академии наук и художеств.

Кунсткамера имела «невеликое начало, но потом получила знатное умножение» [Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук ... 1744, 4]. 1715 – 1716 гг. – годы последовательного и систематического приобретения предметов и коллекций для кунсткамеры в России и за рубежом. Царь Пётр I распоряжался сохранять и присылать к царскому двору древности из сибирских курганов. В Данциге у доктора Готвальда было куплено собрание минералов, раковин, янтаря с вкраплениями насекомых и растений; у амстердамского коллекционера и аптекаря Альберта Себы – коллекции препаратов животных, рыб, земноводных, рептилий из обеих Америк, Восточной и Южной Азии, Африки, Западной и Центральной Европы, а также предметов традиционной культуры народов тех же земель; у известнейшего анатома конца XVII – начала XVIII в. Фредерика Рюйша – собрание сухих и влажных анатомических препаратов.

Коллекции кунсткамер традиционно представляли историю природы: царство животных, растений, минералов; и историю искусства – сферы, не исполненной природой. Коллекционеров привлекали древности, предметы культур народов различных земель: не только Нового Света, но и севера Европы.

Предметы традиционной культуры саамов становились объектом коллекционирования европейских путешественников, посещавших, в частности, Стокгольм. Вещи, а также северных оленей продавали сами лапландцы, приезжавшие для этого в город. Путешественники покупали сани, лодки, одежды, сейды, церемониальные барабаны [Nordin 2018, 663-685].

Композиция, состоявшая из деревянной фигуры саама в санях, «запряженных» чучелом белого северного оленя, была преподнесена в 1694 г. королю Швеции Карлу XI губернатором города Торнио во время осмотра королем северных пределов Шведской империи и лицезрения полуночного солнца [Nordin, Ojala 2017, 59].

Таким образом, предметы традиционной культуры могли отражать масштаб предпринятого путешествия, достигшего Санкт-Петербурга, и, более того, масштабы державы, над которой не заходит солнце.

Саамская обувь «кóты» как дипломатический дар от союзников России в Северной войне вошли в частную коллекцию редкостей Петра I. Очевидно, они были первыми предметами, представившими традиционную культуру европейской Арктики. В 1716 г. в ходе Северной войны Петр I, будучи в союзном Копенгагене, посещал научные собрания. В королевской кунсткамере царь внимательно рассматривал все предметы, среди которых были «русские лапти». Он пожелал взамен их получить «тамошних мужиков обувь», что и было выполнено – государю преподнесли деревянные коты лопарей, в последствии оставшиеся в кунсткамере Петра I [Голиков 1788-1789, 203-204].

Датская королевская Кунсткамера включала в себя музейное собрание датского ученого, коллекционера, анатома, профессора Университета в Копенгагене Оле Ворма (1588–1654). Это было одно из самых известных собраний середины – второй половины XVII в. Каталог коллекции *Museum Wormianum*¹ находился в библиотеке московского Аптекарского приказа, его привез в Россию в 1656 г. аптекарь царя Алексея Михайловича Роберт Биньян [Исторический очерк и обзор ... 1958, 150-151]. После смерти Оле Ворма собрание в 1655 г. было приобретено для датской королевской кунсткамеры. Не подлежит сомнению, что царь Петр I видел в датской кунсткамере предметы из собрания Оле Ворма, относящиеся к традиционной культуре различных народов, в том числе и упомянутую русскую обувь. Увлеченный коллекционер, известный исследователь, Ворм обладал обширной сетью корреспондентов, предлагавших для его кунсткамеры различные редкости, в том числе народов Фенноскандии. Так, в каталоге *Museum Wormianum* в разделе *Historiae de Artificiosis* («История искусственных вещей»), в главе *De artificiosis e lignis elaboratis* («Искусственные вещи из дерева») приводятся финский или лапландский лук, финские сани; в разделе *Diversa artificiosi* («Разные искусственные вещи») упоминается древняя обувь разной формы, из кожи и шелка, которая хранится из почтения к старине. Также в числе экспонатов: русская кожаная обувь на завязках; финская – из шкуры, с острыми носами; финская одежда из шкуры, украшенная оловом и меховой аппликацией; ритуальный лапландский барабан [Worm 1655, 385-386].

Перечень частного собрания Петра I, переданного в 1726 г. в Кунсткамеру Императорской Академии наук после кончины императора в 1725 г., свидетельствует о том, что в коллекции Петра Великого были предметы традиционной культуры саамов и не только обувь: лапландские сани, топор, лапландский гадательный барабан [Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Р. III. Оп. 1. Д. 72. Л. 5 об.]. Можно предположить, что все они происходили из собрания датской кунсткамеры, либо коллекция Петра I могла формироваться по подобию кунсткамер прославленных европейских коллекционеров и ученых.

Предметам материальной культуры саамов предшествовала встреча Петра I с «принцем Лапландии», «саамским королем» Вимени, участвовавшим в триумфальном шествии в 1709 г. в Москве в честь победы в Полтавской битве.

Рассматривая отражение этнического разнообразия Российской империи в официальной придворной культуре первой половины XVIII в., историк Е. А. Погосян обратилась к полтавским торжествам 1709 г. Процессия победителей, вступавших в Москву, вела за собой военнопленных: шведских

¹ Worm Olaus. *Museum Wormianum, seu, Historia rerum rariorum: tam naturalium, quam artificialium, tam domesticarum, quam exoticarum, quae Hafniae Danorum in aedibus authoris servantur.* Amstelodami, 1655.

высших военных чинов, придворных, лекарей и кухмистеров, а также кортеж так называемого «самоедского короля». Кортеж «короля» состоял из 19 упряжек, которыми управляли самоеды в традиционной меховой одежде, с заткнутыми за пояс колпаками. Свидетель торжественного шествия в честь победы при Полтаве датский посланник Юст Юль считал присутствие низкорослых, широколицых самоедов в одежде из шкур животных весьма потешным, неприятным для шведов зрелищем: «без сомнения, шведам весьма больно, что в столь серьезную трагедию введена была такая смешная комедия» [Погосян 2001, 84-85]. Однако участие в триумфе представителей северных пределов королевства Швеции могло означать покорность пред российской короной и северных шведских земель.

Встреча царя Петра I с «самоедским королем» произошла в Воронеже еще в 1707 г. В воспоминаниях очевидца событий барона Фридриха Гизена «самоедский король» именовался «шведским лапонцем». Е. А. Погосян приводит строки Гизена: «Любопытно было видеть тогда на Воронеже шведского лапонца, одетого и вооруженного смехотворно по-лапонски и называющего себя принцем Лапонским древней фамилии Биркарленского...» [Погосян 2001б 86-87]. Он побывал во многих европейских державах: Франции, Италии, Голландии, Германии, говорил на нескольких языках. До возвращения на родину шведский лапландец желал видеть двор царя Петра I. Гизен отмечал, что лапландец составил описание норвежской, шведской и русской Лапландии, природы, нравов и обычаев [Погосян 2001, 86].

Известный в мемуарной литературе и документах под именем Wimeni / Вимени [Русский быт ... 1914, 94] «самоедский король» или «лапландский принц», оказался Нильсом (Николас) Орном (1688? – 1718?). Выпускник Уппсальского университета, рукоположенный священник, был представлен королю Дании в 1704 г. как принц Лапландии. Путешествовал по европейским странам. Был арестован в Коле как шведский шпион [Biografinen nimikirja 1879-1883, 770-771]. Орн – автор краткого описания Лапландии Kurtze Beschreibung des Lapplandes, изданного в Бремене в 1707 г.² Преобразование «принца Лапландии» в «короля самоедов» находит объяснение в трудах по истории Сибири первой половины XVIII в. Например, в работе «О происхождении народов» академик Г.Ф. Миллер (1705–1783), выдающийся историк и исследователь Сибири, пересказывает сведения о происхождении самоедов, опубликованные в издании 1720 г. Der allerneuste Staat von Sibirien...³: «самоеды на Двине в Архангельском уезде считаются за один народ с лапландцами, поскольку самоеды часто жили смешанно с лапландцами и иногда платили дань шведской короне и Дании» [Миллер 2009, 59]. Обращаясь к особенностям внешнего облика самоедов, Миллер полагал, что из всех сибирских народов по чертам лицам остяки и самоеды были ближе всего к европейским народам [Миллер 2009, 114].

Возвращаясь к вовлечению этнографической тематики в официальные торжества как «памятного знака» территориальной протяженности страны, обратимся к событию при дворе императрицы Анны Иоанновны. Лапландцы участвовали в триумфальном этнографическом шествии, приуроченном к завершению русско-турецкой войны 1735–1739 гг., ратификации мирного договора с Османской империей в начале 1740 г. По указу императрицы Анны Иоанновны Императорская Академия наук должна была подобрать костюмы, предметы и сведения, показывающие культуру народов Российской империи и сопредельных стран. Е. А. Погосян, изучая это этнографическое шествие, предположила, что народы Севера и Сибири должны были продемонстрировать не только обширность владений императрицы. Они иллюстрировали легенды о себе, известные по древним источникам, но требующие правильной интерпретации. В качестве одного из примеров исследовательница приводит лапландский головной убор – колпак, создававший впечатление ходячей безголовой фигуры со смешанными к груди глазами и ртом [Погосян 2001, 99-100].

Французский дипломат и очевидец шествия Ж.-И. Т. Шетарди в своей корреспонденции упоминал, что в шествии участвовали «выписанные» для этого лапландцы, самоеды, калмыки, казаки. Лапландцы и самоеды отличались одеждой из шкур оленя и санями с оленьими упряжками [Русский быт ... 1914, 303].

Судя по перечню возвращаемой в Кунсткамеру одежды, в процессии использовались саамские куртки и колпак [Материалы для истории ... 1885, 367-368]. «Лаппонские» предметы были перечис-

² Örn, Nicolaus. Kurtze Beschreibung des Lapplandes von Nicolaus Örn, gebohren Lappländer, und der freyen Künste Beflissenem in Teutscher Sprache entworfen; von einem Teutschen aber in bessere Ordnung und gut Teutsch gesetzt, Bremen: Philipp Gottfried Saurman. 1707.

³ Der allerneueste Staat von Sibirien, einer grossen und zuvor wenig bekannten moscowitischen Provinz in Asien, Entdeckend nicht nur die ehemalige und gegenwärtige Beschaffenheit des Landes, nach seiner Regierung Nürnberg: Wolfgang Moritz Endter, 1720.

лены в первом печатном каталоге Кунсткамеры Императорской академии наук на латинском языке *Musei Imperialis Petropolitani* (1741–1745): головные уборы из кожи и птичьих перьев, кожаное запястье, кошельки из птичьих шкурок, кожаные рукавицы, обувь, кожаное верхнее платье, корзины из бересты с росписью, топор лапландский с каменной режущей частью [*Musei Imperialis Petropolitani* 1741, 95-98, 102, 112].

В этом же каталоге упоминались и саамские коты, которые в течение времени преобразились в датскую обувь: *Calopodia Danica, quae Petrus I. ab itinere e Germania redux in perpetuam memoriam in museo posuit* (датская обувь, которую Петр I, из Германии возвращаясь домой привез и для памяти в музей определил) (*пер. с лат. М.Х.*) [*Musei Imperialis Petropolitani* 1741, 96].

Большинство этнографических коллекций Кунсткамеры Императорской Академии наук, собранных в первые десятилетия работы Академии наук и Кунсткамеры, были утрачены в пожаре, разразившемся в здании музея в начале декабря 1747 г. В этом же пожаре погибли и саамские коты. В музейной документации того времени они описаны уже как «деревянные башмаки, которые блаженной памяти его величество император Петр Первый из немецкой земли с собой привез и для памяти в кунсткамеру положить изволил» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247. Л. 67].

В пожаре также погибли предметы, обозначенные в каталоге как лопарские: «шуба лопарская», «шапка лапонская», «упоки лапонские», «рукавицы лопарские из оленьей кожи», «кичка лопарская из птичьих перьев», «запястье лопарское из кожи с разноцветными суконными брыжами», «мешочек лопарской на которой нашиты птичьи перья», «два кузова берестяные, один лопарской внутри расписан», «кузов лопарской берестяной внутри разными фигурами расписан», «топор лопарской каменной, у которого лезвие каменное вставлено» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247. Л. 66-68 и др.]. Однако принадлежность всех перечисленных вещей именно материальной культуре саамов была оспорена специалистом по этнографии Сибири Л. Р. Павлинской. Сравнивая словесное описание в каталоге *Musei Imperialis Petropolitani* с рисунками этих же предметов того же времени, исследовательница высказала мнение о том, что это предметы культуры угорских народов Сибири [Павлинская 2003, 253].

Восстановленная после пожара экспозиция Кунсткамеры стала постепенно открываться с 1762 г. История народов Российской империи раскрывалась на новой экспозиции при помощи манекенов, изготовленных в полный рост, с учетом особенностей внешнего облика представляемого народа. Это были народы Северной, Центральной, Восточной Азии, Северной Америки. Север Европы представлял «Лапландец». Однако сам манекен был одет в предметы одежды остяков и тунгусов [Хартанович 2011, 121]. В современном Музее антропологии и этнографии хранятся восковые головы манекенов Кунсткамеры Императорской Академии наук конца XVIII – начала XIX в.: одна из них очевидно принадлежала манекену «Лапландца» [Радзюн, Хартанович 2015, 121]. Это единственный предмет, сохранившийся до наших дней из коллекции Кунсткамеры XVIII – начала XIX в., по саамской культуре.

О манекене «Лапландца» свидетельствуют воспоминания баронессы Димсдейл – супруги врача, приглашенного в Санкт-Петербург для прививания оспы великим князьям Александру и Константину в 1781 г.: «также было много других фигур такого же размера, одетых в различные платья из владений императрицы в Сибири: татары, финны, лапландцы и так далее, несколько их идолов, которым они поклоняются, были самыми странными из виденных мною» [Летопись Кунсткамеры ... 2014, 370].

В 1774 г. от натуралиста И. И. Лепехина в Кунсткамеру поступила «деревянная лестница, представляющая собой вечный календарь, которым пользуются жители Карелии» [Летопись Кунсткамеры ... 2014, 385]. Но уже в воспоминаниях немецкого философа и теолога И. И. Беллермана, посетившего библиотеку и Кунсткамеру Академии наук в 1781 г., этот предмет описывается как «лапландский календарь, вырезанный на деревянных дощечках» [Сомов, Фундаминский 1989, 35].

Путеводитель по Кунсткамере конца XVIII в. «Кабинет Петра Великого» весьма подробно описывает состав экспозиции: мемориальный кабинет Петра I, библиотеку, анатомическую и зоологическую коллекции, собрание предметов, служащих для описания культур различных народов. Смысловыми опорными пунктами этнографической части повествования служат манекены. Перед читателем подробно раскрываются стороны традиционного уклада различных народов, описываются особенности физического облика. Однако в этнографической части путеводителя, манекен «Лапландец» заслужил лишь беглого упоминания [Беляев 1800, 154]. При этом сведения о традиционных занятиях лапландцев звучали на зоологической части экспозиции. Например, у чучела «северного или лапландского оленя» посетители узнают, что это животное обеспечивает лапландцев не только едой, но и материалом для одежды, жилья, утвари [Беляев 1800, 123-124]. Чучело «водяного или белого ла-

пландского медведя» сопровождается весьма подробным рассказом об охоте саамов на этого зверя. Особое место уделяется обрядовой стороне, предсказаниям «ворожеи», песням – обращениям охотников к медведю во время охоты. Не остался забытым медвежий праздник и участие в нем женщин: «Когда подъезжают к деревне, жены выходят на встречу мужьям, и поют новые победные песни воспеваются. Они соединяют свои голоса с голосами супругов; а чтобы победу учинить великолепнее, жуют с скрипом на зубах некую кору, делающую слюну их красноватою. Потом приближаются к мужьям, как бы для объятия, плюют им в глаза, дабы походило, чтобы они обрызганы медвежьей кровью. Причем поют другие песни: *Сколько обязаны мы благодарить вас, любезные наши мужья, за принесение такой добычи? Какую силу, какое проворство должно было иметь для умерщвления такого зверя! Он пал под вашими ударами; какую радость должна причинить вам сия победа, и какое мы чувствуем от того веселие!* Женщины на пирах не бывают, и запрещается им даже подходить к тому месту, где приготавливается обед. Оной учреждается в шалаше, нарочно для того сделанном. Медведя дверьми туда не вносят, но разрубив на части, бросают кусками в отверстие, коим из шалаша дым выходит, дабы казался ниспосылаемым с небес. Медведина принадлежит тому, кто зверя нашел, так как и первому место за столом ему же дается; ворожея сиди во втором, а прочие тем порядком, в каком были на охоте. Когда мясо сварилось, разделяют оное на две части, из коих одна дается мужчинам, а другая женщинам. Последние получают свой удел из рук других Лопарей, возвещающих им свое прибытие песнями следующего содержания: *Вот люди пришедшие из Швеции, из Польши, из Англии и Франции, которые принесли к вам подарки.* На оной знак женщины выходят из своих хижин на встречу посланным, и отвечают на их песню своею: *Пожалуйста сюда вы, которые пришли из Швеции, из Польши, из Англии и Франции, пожалуйста сюда, мы привяжем на лядвеи ваши шерстяные кисти.* В самое то время берут от посланных мясо, а их дарят красными кистями» [Беляев 1800, 108-109]. Далее мужья проходят в течение трех дней очищение от убийства животного, и только после этого возвращаются к женам [Беляев 1800, 105-111]. Авторы статьи привели столь большую цитату, чтобы показать стиль описания явлений традиционной культуры на экспозиции Кунсткамеры конца XVIII – начала XIX вв.

В 1836 г. на основе коллекций Кунсткамеры Императорской Академии наук были созданы специализированные музеи Академии наук, в том числе Этнографический и Анатомический. Де-юре кунсткамера перестала существовать в структуре Академии наук, но авторы позволяют себе обращаться к фактам истории Этнографического музея и Анатомического кабинета Императорской Академии наук, в связи с появлением аутентичных коллекций по культуре саамов. Такое обогащение связано с именем одного из крупнейших естествоиспытателей XIX в. академика Карла Эрнста фон Бэра. Благодаря его экспедиции к Белому морю и Ледовитому океану в 1840 г., в состав Этнографического музея поступило «лапландское платье» – первый аутентичный предмет саамской культуры после утраты этнографических коллекций в пожаре 1747 г. Однако из-за весьма стесненных условий Этнографического музея, остававшегося в стенах Кунсткамеры, многие предметы лежали в ящиках и не экспонировались. Эта участь, вероятно, постигла и лапландское платье [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1918. Д. 30. Л. 1-4].

Материалы, отражающие морфологические особенности внешнего облика саамов оказались в первой научной систематизированной коллекции по краниологии народов европейского Севера. Стоя в переписке со шведским антропологом, профессором анатомии Каролинского института медицины и хирургии Андерсом Адольфом Ретциусом, Бэр в 1844 г. получил в дар гипсовые отливки с черепов из собраний Шведской академии наук, которые ныне хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. В коллекцию входят слепки с черепов гренландца, датчан, шведов, финнов, норвежцев, ирландцев. В собрании был также материал, обозначенный как: «Лопарь из Лулео, Мартиус», «лопарка, девочка 2-х лет», «лопарь» [Хартанович 2017, 118]. Изготовление гипсовых слепков в то время позволяло знакомиться с широким спектром культурно-исторического наследия: от скульптуры античности и возрождения до памятников этнической истории. Получение естественного костного материала представляло сложность, гипсовые слепки же позволяли проводить сравнительное морфологическое описание, обмениваться научно-исследовательскими материалами.

Таким образом, предметы традиционной культуры саамов, непосредственно связанные с именем царя Петра I, оказались у истоков собраний Кунсткамеры, посвященных традиционным культурам различных народов. Несмотря на немногочисленность, саамские (лапландские) предметы считались важной частью коллекции Кунсткамеры Императорской Академии наук, представляющей обширные территориальные владения России, в том числе в арктической зоне.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев О. Кабинет Петра Великого / Ч. II. СПб.: Печатано в Императорской типографии, 1800. 287 с.
- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788. Ч. V. 418 с.
- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. II. 398 с.
- Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 738 с.
- Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 824 с.
- Миллер Г. Ф. Описание Сибирских народов / пер. с нем. Элерт А.Х. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Павлинская Л. Р. Рисунки коллекций Петербургской Кунсткамеры XVIII в. с предметов культуры народов Сибири и Поволжья // «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760. СПб.: Европейский дом, 2003. С. 253–275.
- Палаты Санкт-петербургской Императорской Академии наук, библиотеки и кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей, сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1744. 26 с.
- Погосян Е.А. «И невозможное возможно»: свадьба шутов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, 2001. Т. IV. Тарту: Кафедра русской литературы Тартуского у-та. С. 80–109.
- Радзюн А. Б., Хартанович М.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук XVIII в.: у истоков антропологических знаний в России // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2015. Вып. 2. С. 114–122.
- Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 1. От Петра до Екатерины II (1698–1761 гг.). М.: Задруга, 1914. 431 с.
- Сомов В. А., Фундаминский М. И. Библиотека Академии наук – достопримечательность Петербурга XVIII в. // Книга в России XVIII – середины XIX в. Из истории Библиотеки Академии наук. Сб. научных трудов. Л.: БАН, 1989. С. 13 – 41.
- Хартанович М.В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 122–125.
- Хартанович М.В. Организация собирания краниологических коллекций в Императорской Академии наук в 1840-х гг. // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология, 2017. Вып. 1. С. 115–122.
- Biografinennimikirja. Elämäkertoja Suomenentisiltäjanykyajoilta. Helsinki: W. Edlund, 1879–1883. 862 p.
- Hafstein V. Bodies of knowledge. Ole Worm and Collecting in Late Renaissance Scandinavia // Ethnologia Europaea, 2003. vol. 33. no. 1. pp. 5–20.
- Musei Imperialis Petropolitani. Pars Prima, qua continentur Res Artificiales // Tipis Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1741. vol. II. 280 p.
- Nordin J. Center of Diversity: Sami in Early Modern Stockholm in the Light of European Colonial Expansion. A Historical Archeological Approach // International Journal of Historical Archeology, 2018. vol. 22. no. 1. pp. 663–685.
- Nordin J.M., Ojala C-G. Collecting, connecting, constructing: Early modern commodification and globalization of Sámi material culture // Journal of Material Culture, 2017. vol. 23. no. 1. pp. 58–82.
- Schulz E. Notes on the History of Collecting and of Museums // Journal of the History of Collections, 1990. Vol. 2. no. 2. pp. 205–218.
- Worm O. Museum Wormianum, seu, Historiarerumrariorum: tam naturalium, quam artificialium, tam domesticarum, quam exoticarum, quae Hafniae Danorum in aedibusauthorisservantur // Amstelodami: Lugduni Batavorum, ex officinal Elseviriorum, Acad. Typograph, 1655.

Поступила в редакцию 05.04.2022

Хартанович Маргарита Федоровна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра Арктических исследований, ФГБУН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3;
E-mail: mkhart@yandex.ru

Хартанович Мария Валерьевна

научный сотрудник I категории Отдела научной систематизации,
ФГБУК «Российский этнографический музей»,
Российская Федерация, 191186, г. С.-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1
E-mail: marijah@mail.ru

M.F. Khartanovich, M.V. Khartanovich**LAPPONIAN (SAMI) COLLECTIONS IN 18th-CENTURY KUNSTKAMERA OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-511-518

The work is aimed to specify composition and significance of the collections on the traditional Sami culture in the first Russian state public museum - the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences (1714–1836) in St. Petersburg. A European cabinet of curiosities was part of a scientific system for disseminating reliable knowledge about the phenomena of the surrounding world. The cultural artefacts of the peoples of the polar suburbs of Europe were collected by European scientists and collectors. Lapponian shoes from the Danish Royal Kunstkamera entered Tsar Peter's I Kunstkamera and turned out to be the first example of the traditional culture of the peoples of the Arctic zone in this collection. Ethnographic objects and the very theme of the diversity of the peoples of the Russian Empire were included in the court culture of the Russian court in the first half of the 18th century. The "Prince of Lapland" took part in the 1709 cortege to honor of the victory at Poltava, probably personifying the obedience to the Russian crown not only of the Swedish army, but also of the people of the north of Sweden. "Laplanders", in costumes taken from the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences, were involved in the celebrations at the court of Empress Anna Ioannovna on the occasion of the end of the Russian-Turkish war of 1735–1739. A list of traditional Sami culture items was published in the first printed catalog – *Musei Imperialis Petropolitani* (1741–1745), but their belonging to the Sami was disputed by contemporary researchers. Information about the rituals of the Sami, first of all, about the polar bear hunt and about the bear festival, were included in the first guide to the Kunstkamera of the late 18th - early 19th centuries. The name of the greatest natural scientist of the 19th century, academician Karl Ernst von Baer, is associated with the appearance at the Academy of Sciences in the 1840s materials on physical anthropology of the Sami and the first authentic Sami cultural objects. These facts prompted authors to violate the boundaries of the 18th century, indicated in the topic of the work. Despite the small size of the collection, the traditional Sami culture found important place in the exposition, in the catalogs and in the guidebook of the first state museum, which is structural part of the Imperial Academy of Sciences.

Keywords: Sami, Lapponians, Kunstkamera, Peter I, ethnographic collections, Sami collections, Academy of Sciences' museum, ethnographic exposition, Karl Baer

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 511–518. In Russian.

REFERENCES

- Belyaev O. *Kabinet Petra Velikogo* [Peter's the Great Cabinet]. St. Petersburg: Pечатano v Imperatorskoi tipografii Publ. P. II, 1800. 287 p. In Russian.
- Golikov I. I. *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennyye po godam* [Deeds of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources arranged by years]. Moscow: Universitetskaya tipografiya u N. Novikova Publ., 1788. P. V. 418 p. In Russian.
- Istoricheskii ocherk i obzor fondov Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk* [Historical study and review of the funds of the Manuscript Department of the Academy's of Sciences Library]. Moscow : Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1958. Issue II. 398 p. In Russian.
- Khartanovich M. F., Khartanovich M.V. *Letopis' Kunstkamery. 1714-1836* [Kunstkamera Chronicles. 1714-1836]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2014. 738 p. In Russian.
- Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk*. [Materials for history of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1885. 824 p. In Russian.
- Miller G. F. *Opisanie Sibirskikh narodov* [Description of Siberian peoples] / translated from German by Ehlert A. Kh. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2009. 456 p. In Russian.
- Pavlinkaya L. R. *Risunki koleksii Peterburgskoi Kunstkamery XVIII v. s predmetov kul'tury narodov Sibiri i Povolzh'ya* [Drawings of Siberia and Volga region peoples' items in the 18th-century Petersburg Kunstkamera]. «*Nariso-vannyy muzei*» *Peterburgskoi Akademii nauk. 1725–1760* ["Depicted museum" of the Academy of Sciences in St. Petersburg], 2003. pp. 253 – 275. In Russian.
- Palaty Sanktpeterburgskoi Imperatorskoi Akademii nauk, biblioteki i kunstkamery s kratkim pokazaniem vsekh nakhodyashchikhsya v nikh khudozhestvennykh i natural'nykh veshchei, sochinennoe dlya okhotnikov onyya veshchi smotret' zhelayushchikh*. [Chambers of St. Petersburg Academy of Sciences, Library and Kunstkamera, with brief review of all artificialia and naturalia, written for all, who wish to see them], St. Petersburg: pri Imp. Akad. Nauk Publ., 1744. 26 p. In Russian.
- Pogosian E. A. "I nevozmozhnoe vozmozhno": svad'ba shutov v ledyanom dome kak fakt ofitsial'noi kul'tury ["Impossible is possible": Marriage of the fools in the Ice house as event of official culture]. *Trudy po russkoi i slavi-anskoj filologii: Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic philology: Literature studies], 2001, no. VI, pp. 80-108. In Russian.

Radzyun A. B., Khartanovich M. V. Kunstkamera Peterburgskoi Akademii nauk XVIII v.: u istokov antropologicheskikh znaniy v Rossii [18th-century Kunstkamera of St. Petersburg Academy of Sciences: at the origins of anthropological knowledge in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series XXIII. Anthropology], 2015, no. 2, pp. 114 – 122. In Russian.

Russkii byt po vospominaniyam sovremennikov. XVIII vek. Ch. 1. Ot Petra do Ekateriny II (1698-1761 gg.) [Russian everyday life in memoirs of the contemporaries. 18th century. Part 1. From Peter to Catherine II (1698-1761)]. Moscow: Zadruga Publ., 1914. 431 p. In Russian.

Somov V. A., Fundaminskii M. I. Biblioteka Akademii nauk – dostoprimechatel'nost' Peterburga XVIII v. [Library of the Academy of Sciences – landmark of 18th-century Petersburg]. *Kniga v Rossii XVIII – serediny XIX v. Iz istorii Biblioteki Akademii nauk. Edited volume* [Book in Russia in 18th – mid-19th centuries. From the history of the Library of Academy of Sciences], 1989. pp. 13 – 41. In Russian.

Khartanovich M. V. Manekeny Kunstkamery Peterburgskoi Akademii nauk kontsa XVIII v. [Mannequins of the Academy's of Sciences Kunstkamera in Petersburg in the late 18th century], *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN v 2010 g.* [Radlov edited volume. Research and museum projects in MAE RAN in 2010], 2011. pp. 122 – 125. In Russian.

Khartanovich M. V. Organizatsiya sobiraniya kraniologicheskikh kollektzii v Imperatorskoi Akademii nauk v 1840-kh gg. [Arrangement of craniological collections in the Imperial Academy of Sciences in 1840s], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series XXIII. Anthropology], 2017, no. 1, pp. 115 – 122. In Russian/

Biografinen nimikirja. Elämäkertoja Suomen entisiltä ja nykyajoilta. Helsinki: W. Edlund, 1879 – 1883. 862 p.

Hafstein V. Bodies of knowledge. Ole Worm and Collecting in Late Renaissance Scandinavia. *Ethnologia Europaea*, 2003. vol. 33. no. 1. pp. 5 – 20.

Musei Imperialis Petropolitani. Pars Prima, qua continentur Res Artificiales. Tipis Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1741. vol. II. 280 p.

Nordin J. Center of Diversity: Sami in Early Modern Stockholm in the Light of European Colonial Expansion. A Historical Archeological Approach. *International Journal of Historical Archeology*, 2018. vol. 22. no. 1. pp. 663 – 685.

Nordin J.M., Ojala C-G. Collecting, connecting, constructing: Early modern commodification and globalization of Sámi material culture. *Journal of Material Culture*, 2017. vol. 23. no. 1. pp. 58 – 82.

Schulz E. Notes on the History of Collecting and of Museums. *Journal of the History of Collections*, 1990. vol. 2. no. 2. pp. 205 – 218.

Worm O. *Museum Wormianum, seu, Historia rerum rariorum: tam naturalium, quam artificialium, tam domesticarum, quam exoticarum, quae Hafniae Danorum in aedibus authoris servantur.* Amstelodami: Lugduni Batavorum, ex officina Elseviriorum, Acad. Typograph, 1655.

Received 05.04.2022

Khartanovich Margarita Fedorovna,

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher,
Center of Arctic Research,

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: mkhart@yandex.ru

Khartanovich Maria Valeryevna,

I category Researcher,
Scientific Systematization Department, Russian Museum of Ethnography,
4/1, Inzhenernaya ul., St. Petersburg, 191186, Russian Federation
E-mail: marijah@mail.ru